

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

В СПОРАХ О МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ**

МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ ГОСУДАРСТВА И НЭПОМ

Получено: 30.01.2022. Рецензировано: 16.02.2022. Принято: 18.02.2022.

Аннотация: Русский марксизм достаточно поздно обратился к построению собственных концепций русского исторического процесса и/или к попыткам дать целостную интерпретацию истории Российской империи / русского народа / народов Восточно-Европейской равнины. Более того, у большевиков, пришедших к власти в конце 1917 и с середины 1918 г. все более решительно претендующих если не на полноту идеологического контроля, то на интеллектуальную гегемонию, не было собственной историографии «русской истории»: в ситуации 1918 – начала 1920-х гг. речь шла о противостоянии «марксистских» в широком смысле концепций и подходов «не-марксистским». «Марксистская» историография к началу 1920-х годов была фактически представлена тремя подходами, связанными соответственно с именами Г. В. Плеханова, Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, при этом исторические построения Рожкова изначально оказались на обочине исторических дискуссий, реальное противостояние внутри марксистов-историков свелось к противоборству версий исторического процесса, предложенных Г. В. Плехановым и М. Н. Покровским в 1910-е годы. В данной статье мы анализируем разные уровни этого противостояния: от актуальных политических импликаций, таких как отношение к государству и вопрос об «оборончестве», вплоть до эпистемологических предпосылок, понимания «науки», места «исторических фактов» и роли интерпретации. Вместе с тем демонстрируется, что фактически и концепция Г. В. Плеханова (и родственная ей, хотя политически противоположная трактовка русской истории Л. Д. Троцкого), и концепция М. Н. Покровского оказываются тесно связанными со «школой Ключевского» и несут в себе не только явное, но, что еще существеннее, во многом неявное, остающееся непроблематизированным наследие как исторической схемы Ключевского, так и лежащей в ее основании концепции «государственной школы». Если критика этого наследия у оппонентов была целенаправленной со стороны М. Н. Покровского, то в свою очередь неявным для него образом она обуславливала трактовку им самого

*Тесля Андрей Александрович, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: данная статья подготовлена в рамках проекта Балтийского федерального университета «Критическое мышление как предмет критики в истории русской и европейской мысли».

объекта исторического рассмотрения. Тем самым подчеркивается, что «исторический синтез» «высокого сталинизма» 1930–1950-х годов, объединение «красной профессуры» и преемников дореволюционных историографических школ, прежде всего Московского и Петербургского университетов, оказывался облегчен не только выработкой к концу 1930-х в «Кратком курсе...» догматического фундамента исторического материализма, но и реальной общностью концептуальных оснований, восходящих к «школе Ключевского» и «государственной школе» русской историографии.

Ключевые слова: гегельянство, «государственная школа», В. О. Ключевский, марксистская историография русской истории, Г. В. Плеханов, М. Н. Покровский.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-213-232.

К началу 1920-х годов новый режим остро нуждался в связной концепции русского исторического развития. Острота вопроса о русской истории определялась прежде всего отношением к современности — вопросом о закономерности/случайности большевистской революции, о трактовке последней в рамках как общемирового исторического процесса, так и собственно русской истории.

В расхожем представлении, восходящем еще к 1930-м годам и во многом воспроизведенном в историографии 1990-х, борьба в исторической науке может быть сведена сначала к преобладанию «школы Покровского», которая деконструировала русскую национальную историю, проводящую линию «вульгарного социологизма» и национального нигилизма, а после 1931 г. и особенно после «дискуссии» об учебниках истории и о возобновлении преподавания истории — к возвращению к государственной логике, присущей дореволюционной историографии, и восстановлению континуитета русской истории. В этом очерке мы постараемся бегло показать, что внутримарксистские споры 1920-х как подспудно, так и эксплицитно не только оказывались обращены к проблематике государства, но и неявно сохраняли основные концептуальные элементы «государственной школы» русской истории, что во многом обеспечило в эпоху «зрелого сталинизма», к. 1930-х — н. 1950-х, образование нового государственнического исторического синтеза.

Центральным эпизодом исторических «боев» 1-й половины 1920-х оказалось противостояние концепций, сформулированных почти одновременно в конце 1900-х — начале 1910-х г. В. Плехановым и М. Н. Покровским¹. Плеханов, с рубежа 1900–1910-х утративший большую часть

¹До 1920-х Плеханов-историк не становится предметом критики со стороны Покровского, мимоходом даже ссылающегося на его «Историю...», в ходе анализа творчества Пересветова (Покровский, 1918а: 154, 157) и дающего общую отсылку к 1-му тому «Истории» в библиографии 3-й главы IV отдела «Очерка...» (там же: 180). При немногочисленности вообще ссылок на литературу в общих обзорах Покровского это более чем характерный

своего политического влияния, с начала 1910-х с головой уходит в историю русской общественной мысли и в целом в изучение русской истории (см.: Бэрн, 1998: гл. XV–XVI). Приступив по предложению издательства «Мир» к написанию обзорной «Истории русской общественной мысли», он шаг за шагом все увеличивает рамки задуманной работы: если первоначально речь идет о двух томах, то к концу жизни Плеханова, скончавшегося поздней весной 1918 года, — уже о шести². Однако если содержание значительной части написанных и задуманных томов касается именно истории общественной мысли, то предпосланное книге обстоятельное введение, более чем на 120 страниц, представляет изложение общей схемы русской истории — именно оно и будет предметом споров уже в 1920-е.

Если Плеханов сформулировал свою итоговую позицию в 1914 г. и в дальнейшем предметом обсуждения была именно она, то Покровский активно развивал и пересматривал свою концепцию, первоначально изложенную в «Истории России с древнейших времен», которая вышла в том же, что и «История...» Плеханова, книгоиздательстве «Мир» в 1910–1912 гг. Отметим попутно, что с 1918 г., когда Покровский войдет в советское правительство и с лета того же года займет пост заместителя народного комиссара просвещения РСФСР (этот пост он будет занимать вплоть до кончины в апреле 1932 г.), он сделается одним из наиболее одиозных представителей большевистского руководства (см.: Чернобаев, 1992) и этому во многом будет способствовать восприятие его как ренегата в глазах историков дореволюционной формации и их учеников³.

жест уважения. Любопытно, что сам Плеханов не упоминает «Историю России...» Покровского в своем введении к «Истории русской общественной мысли», что обращает на себя тем большее внимание, что обе работы вышли в одном и том же издательстве, выступая в череде научно-популярных трудов широко понимаемой социал-демократической и в целом «левой» ориентации (в издательстве «Мир» в эти годы публикуются, напр., «Силуэты» Юрия Айхенвальда).

²О предыстории и ходе работы см.: Плеханов, 1974: 251–290. Завершены будут три первых тома, в посмертном собрании сочинений Плеханова его редактор Д. Б. Рязановский более или менее условно скомплектует из рецензий и отдельных статей 1910-х еще два тома, обозначив их как «материалы» к «Истории...», они вышли в качестве XXIII и XXIV томов.

³О репутации Покровского до того, как между ним и бывшими коллегами проляжет большевистская революция, можно судить, напр., по отзывам М. М. Богословского, ученика и преемника В. О. Ключевского по кафедре русской истории Московского ун-та. Он записывал в дневнике 14 ноября 1915 г.: «Вечер за книгой Покровского М. Н. „Очерк истории русской культуры“ — где много остроумия, знания, легкомыслия и марксист-

Историческая концепция, сформулированная Покровским в 1910-е годы, и прежде всего известная теория «торгового капитала»/«торгово-го капитализма» были, собственно, его попыткой объяснения русской истории без выхода за пределы экономического материализма:

- (1) Московское государство складывается под воздействием торгового капитализма, где одним из ключевых игроков выступает сама царская власть;
- (2) Из этого вытекает большая роль городов, и само описание окончательного складывания Московского государства интерпретируется как результат борьбы Новгорода и Москвы. А последующая территориальная экспансия Московского царства и Российской империи толкуется как борьба за торговые пути и новые рынки;
- (3) История XIX века предстает как борьба торгового и промышленного капитализма.

В этом плане Покровский оказывается идущим в русле Ключевского и одновременно полемизирующим с ним, и если последний подчеркивает роль торговли и связанных с нею факторов в истории Древней Руси, то

ского схематизма». А 20-го ноября продолжал: «Вечер за книгой Покровского, где все оригинальное и индивидуальное: люди, события и идеи — стерто и показываются только одноцветные, одинаковые для всех времен и народов классовые шаблоны» (Богословский, 2011: 103, 105) [Ср. не называющий имен оппонентов, но характерный отзыв другого ученика В. О. Ключевского А. А. Кизеветтера в мемориальном отзыве о покойном учителе, написанном в 1912 г.: «Нельзя [...] быть историком, не умея мысленно представить себе и воссоздать словом перед другими явлений прошлого во всей их конкретности, во всем их индивидуальном своеобразии, во всей сочности присущих им жизненных красок. Без этого дара конкретного воссоздания былой жизни не будет историка, будет только *резонирующий диалектик*, играющий словесными формулами (выд. нами — А. Т.), ибо действительный материал истории состоит не из совокупности отвлеченных формул, а из повседневной суетоки отдельных жизненных явлений» (Кизеветтер, 2013: 159)]. Предсказуемо неприятие Богословским методологических устремлений Покровского — тем большое значение имеет признание достоинств работы, а еще выразительнее случайный, попутный отзыв о главной книге Покровского: 15 марта 1916 г. Богословский записывает: «...в прошлый четверг на В[ысших] Ж[енских] К[урсах] Сторожев выступил с предложением вести семинарий по объяснению памятников русского искусства. Это после нелепых текстов, которыми он испортил „Историю России с древнейших времен“» (там же: 163). Примечательно, что в последующих изданиях тексты В. Н. Сторожева будут сняты Покровским (Покровский, 1920: vi).

В некрологе П. Г. Виноградова (1927), написанном в Париже и не опубликованном при жизни, оставшемся незаконченным, Богословский, вспоминая о работе над «Книгой для чтения по истории средних веков» (в 4-х частях, 1896–1899), отмечал: «Большое участие в этом деле принимал сблизившийся тогда с П[авлом] Г[авриловичем] его ученик М. Н. Покровский, перу которого принадлежит целый ряд талантливо написанных статей в книге» (Богословский, 1987: 89).

первый стремится аналогично проинтерпретировать историю Московского царства и Российской империи. Уже в самом конце своей карьеры, обороняясь от нападков в создании немарксистской концепции «торгового капитализма» как движущего фактора большей части русской истории и последовательно заменяя «капитализм» на «капитал», тем не менее он в выступлениях на семинарах по истории народов СССР в ИКП истории и права (20 ноября и 24 декабря 1930 г. и 16 февраля 1931 г.) отстаивает ядро своего подхода, заявляя (Покровский, 1933: 303):

Из всех форм капитала к самодержавию ближе всего был торговый капитал, опираясь на который самодержавие росло, опираясь на который феодальное государство чисто средневекового типа переросло в бюрократическую монархию. Без феодализма вообще не было бы самодержавия. *Без торгового капитала власть феодального монарха не пошла бы дальше Ивана III* [выд. нами — А. Т.]. А самодержавие дало не только Петра I, но и Александра II и даже псевдоконституцию Столыпина.

«Торговый капитал» призван был объяснить историческую динамику XV–XIX вв., складывание большой континентальной державы, устройство государственной власти и правовых отношений. Целью Покровского было выстроить объяснительную модель, которая всякую перемену во внеэкономической сфере прямо или опосредованно приводила бы как к своей причине к перемене в экономической сфере. В защите этого понимания Покровский оказывался готов в 1923 г. даже прямо полемизировать если не с Энгельсом, то с неудачными оборотами у него, отзываясь о письмах Энгельса к Морицу Вирту 1890 г. как о вызванных «гневом» — «плохим советчиком» — и как об исполненных фраз,

которые при беглом чтении могут быть поняты так, что в деле возвышения Пруссии главную роль играли неэкономические причины (там же: 169).

ИНТЕРПРЕТИРУЯ РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Плехановский взгляд на русскую историю в основной своей линии сформировался уже к середине 1880-х годов: в его понимании, выраженном в «Социализме и политической борьбе» и «Наших разногласиях», исторический процесс в России последних столетий — путь европеизации, и полноценным носителем западных начал является пролетариат (Плеханов, 1914: 130). В этом плане задачей, которую Плеханов решает уже в «Истории общественной мысли», во введении к ней выстраивая общую рамку русской истории, — это объяснение исторического отставания, своеобразия русского исторического процесса. Если конечной точкой

становится завершенная «европеизация», полное включение в европейское экономическое, социальное и культурное пространство, то вопрос заключается в том, что этому препятствует, что вызывает отклонение русского исторического процесса от западного, европейского пути.

«Общественная жизнь», по Плеханову, определяется, с одной стороны, «географической», с другой — «исторической обстановкой» процесса, при этом «свойства географической среды» действуют лишь опосредованно (Плеханов, 1914: 1). Вопреки последующим полемическим упрекам сам Плеханов декларативно отвергает противопоставление, согласно которому (по В. О. Ключевскому)

на Западе *экономический* момент явился *следствием политического*, а у нас господствовали смешанные процессы (там же: 14).

Однако из этого, если следовать Плеханову, отнюдь не вытекает единообразие исторического процесса: если история не знает абсолютной «самобытности», то ей присуща «самобытность» относительная (там же: 118):

...в течение целых десятилетий отворачиваться от «самобытности» можно было при одном условии: обеими ногами держаться на почве исторического идеализма. Несходство нашего общественного «бытия» (особенно в том, что касалось положения и исторической судьбы низшего класса народа) с общественным бытием Запада могло не смущать передовых идеологов только в одном случае: если они разделяли то убеждение, что не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие. Тому, кто, подобно французским просветителям XVIII в., думал, что *la raison finit toujours par avoir raison*⁴, достаточно было убедиться в *разумности* того или другого передового учения Запада, чтобы твердо поверить в его будущее торжество.

В результате русский исторический процесс толкуется Плехановым как своеобразная реализация общих исторических закономерностей, ведущая в силу географического положения, исторического контекста от последовательного приближения, уподобления «азиатским деспотиям» к последующей европеизации, сохраняющая до начала XX века черты одновременно европейские и азиатские, обуславливающая большую роль государства в том числе и потому, что в нем оказываются заинтересованы и народные массы, для которых оно выступает в качестве не только орудия эксплуатации, но и защитника. Говоря о временах возвышения Москвы и Московского царства, Плеханов отмечает, что с точки зрения

⁴Разум, в конце концов, всегда оказывается правым (*фр.*).

усиления государственного начала одновременно действуют два вроде бы противоположных фактора: во-первых, потребность в государстве как защите от степных набегов (и потребность в большом государстве как способном и противостоять внешней угрозе, и обеспечивать внутренний мир); во-вторых, в силу того, что речь идет об однородном сельском населении, оно оказывается неспособным к большим формам самоорганизации, поскольку существует отдельными, отнесенными друг от друга поселениями, и, следовательно, каждое конкретно не способно давать отпор внешнему насилию (и эта неспособность является и неспособностью противостоять и государству, и внешней угрозе, т. е. потребностью в том самом государстве, которому одновременно невозможно противостоять, что и ведет к разрастанию государственной власти, обращению в формы азиатского деспотизма (см.: Плеханов, 1914: 55–86)).

Направления критики Покровским позиции Плеханова сводятся к следующим основным моментам: прежде всего, это выявление исторической генеалогии концепции Плеханова. Покровский демонстрирует, что по существу она является частным случаем «государственной школы» в русской историографии, во многом даже отступающей от Ключевского к Соловьеву⁵ (Покровский, 1933: 81). Это позволяет Покровскому одновременно указать и на архаичность исторических воззрений Плеханова, что он вольно или невольно базирует свои рассуждения на построениях, относящихся к пройденному этапу в развитии исторического знания, и не учитывает последующих трудов⁶, и одновременно на концептуальное ядро. Тезис об относительной автономии государства, о его несводимости лишь к классовому господству оказывается здесь глубоко закономерен и как следствие тех исторических воззрений, за которыми идет Плеханов, и, в свою очередь, как основание его склонности именно к такого рода воззрениям.

⁵ Отметим попутно, что, вероятно, именно оценка Нечкиной работ Плеханова стала одной из причин сочувственного интереса к молодому казанскому историку со стороны Покровского: в своей первой монографии «Русская история в освещении экономического материализма» (Казань, 1922) она отнесла в строгом смысле к разбираемому ей направлению только двух авторов — Покровского и Рожкова. В дальнейшем, уже в январе 1923 г., в ходе доклада на исторической секции АОН, посвященном спору Троцкого с Покровским, Нечкина однозначно выскажется в поддержку Покровского. Об истории дальнейших отношений Нечкиной и Покровского см.: История в человеке..., 2011: 101–138 и по указат. имен; Нечкина, 2013: по указат. имен.

⁶ В лекциях по историографии 1923 г. Покровский иронизирует: «...Плеханов ценил историков как доброе вино — чем старше, тем лучше» (Покровский, 1933: 83).

Здесь следует отметить ключевой тезис Покровского о причине своеобразного помещения государства в центр политической и исторической мысли XIX века, о том, что приводит к трактовке государства как самодовлеющего (Покровский, 1933: 35–37; ср.: Покровский, 1918b: iii–iv). Согласно Покровскому перед нами именно диалектика, находящая выражение в гегелевской философии (и поэтому в том числе связанность с гегелевской философией русской «государственной школы» в историографии закономерна). Капитализм не устанавливается «сам собой»: вопреки тому, что классическая политэкономия трактует его как «естественный порядок» вещей, он должен для своего утверждения сломать предшествующую систему отношений, и орудием радикальной ломки прежнего порядка вещей становится государство, утверждающее правовую гомогенность в пределах национальной территории, равенство субъектов частного права и т. д.

В этом смысле перед нами две стороны одной реальности:

- ◊ утверждение капиталистических отношений как «естественных»;
- ◊ утверждение государства как творящей силы, самостоятельного источника движения.

Фундаментальное расхождение между Плехановым и Покровским обнаруживается в трактовке исторических закономерностей. Для Покровского стадии исторического развития оказываются универсальными: Россия проходит одни и те же стадии, что и западноевропейские страны; проходит позже, но это почти сугубо хронологическое замедление (позволяющее, напр., сопоставлять как однородные процессы государственного строительства в России в XVI веке и во Франции двумя столетиями ранее). Напротив, Плеханов делает акцент на наличии «относительного» своеобразия: отставание, замедление русской истории в сравнении с историей стран Западной Европы тем самым создает качественно новые феномены. Неожиданно Плеханов — в отличие от Покровского, испытывавшего большой интерес к новым философским течениям, в частности к эмпириокритицизму (см., напр.: Покровский, 1933: 26–43), — оказывается намного более чувствителен к проблематике темпорального и собственно исторического как уникального-во-времени⁷. «Замедление» исторического процесса — поскольку оно оказывается во взаимодействии с обществами, переживающими исторический

⁷Возможно, здесь сказывается и влияние Герцена, в частности в брошюре «О развитии революционных идей в России» последнюю часть посвятившего диалектике западноевропейских и российских процессов (см.: Тесля, 2021).

процесс в другом темпе, — приводит к качественным переменам (например, к возникновению общественного слоя, оперирующего идеями и представлениями, заимствованными извне: это не ведет к рассинхронизации, к «жизни в другом времени», а порождает феномены особого рода — интеллектуальные конструкции).

Примечательно, что в конкретно-историческом плане Покровский учитывает этот акцентированный Плехановым момент, в частности анализируя изменения в сельском хозяйстве Российской империи, ее ориентации на рынок и их связи с промышленной революцией в Англии (Покровский, 1934: 75–77), однако концептуальных выводов не делает. В этом смысле система взглядов Покровского оказывается «русоцентричной», исходящей из интериорного объяснения русской истории — т. е., собственно говоря, воспроизводящей рамку национальной историографии как само собой разумеющуюся: мировая история здесь «складывается» из национальных, т. е. из историй обществ, каждое из которых проходит свой собственный путь по общим для всех законам (и которые взаимодействуют между собой через отчетливо обозначенную границу — метафора тел, отделенных друг от друга, не проблематизируется)⁸.

АВТОНОМИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: СПОР О ГОСУДАРСТВЕ

Стержнем спора между Покровским и его сторонниками, с одной стороны, и, с другой, той группой, в которую он с должным основанием объединял Плеханова и Троцкого, оказывался вопрос об автономии государства и его способности выступать источником экономических перемен. В зависимости от конкретной политической ориентации тезис о самостоятельности государства в русских условиях становится либо, как у Плеханова, аргументом против пролетарской революции: в силу того, что пролетариат еще немногочисленный и одновременно что государство имеет и надклассовое содержание (как отмечает Покровский, «оборонничество» у Плеханова является именно логическим выводом из его теории; о том, что государство несводимо лишь к классовым интересам, он пишет уже во введении к «Истории...», до Первой мировой войны). Либо, как у Троцкого (Троцкий, 1922; Троцкий, 1997: 33–44; 439–446), — аргументом к неравновесному развитию, когда природа русской революции объясняется из форсированного развития крупной промышленности образования многочисленного пролетариата в немногих

⁸Любопытно, что за пределами критики, вообще обходя молчанием, Покровский оставляет дихотомию «Европы» и «Азии», которая является ключевой у Плеханова.

быстро растущих индустриальных центрах за счет целенаправленной государственной политики поверх экономически отсталого аграрного базиса. Государство здесь выступает одновременно и как агент модернизации, и как создатель диспропорций — синхронного существования и крупной промышленности, переднего края капиталистического развития, и глубоко архаичной экономики большей части страны, при этом последняя оказывается ресурсной базой для первой.

Таким образом, социалистическая революция в исторической схеме Плеханова оказывается преждевременной, по существу невозможной, насилием над историей, обреченным на итоговое поражение, а в концепции Троцкого, которая, как стремится показать Покровский, по сути покоится на тех же теоретических основаниях, — возможной исключительно как часть мировой революции.

Напротив, в трактовке Покровского революция предстает именно как закономерная⁹ — как пролетарская и крестьянская революция одновременно, где пролетариат, обладающий самосознанием, способностью к коллективным действиям и самоорганизации, оказывается способен организовать и возглавить массовое крестьянское движение. В этой рамке отчетливо видно, насколько зрелая историческая концепция Покровского, особенно в своей направленности против Плеханова и Троцкого, оказывается созвучной именно 1920-м годам, политике НЭПа.

Но для Покровского в рамках его — и в целом марксистской — исторической концепции становится принципиально важным не только охарактеризовать взгляды Плеханова сами по себе, но и объяснить их классовую природу. Если субъективно истоком тех или иных воззрений может выступать ошибка, влияние извне, захваченность существующим концептуальным аппаратом и т. д., то общественное влияние конкретных концепций или их элементов, оказывающихся востребованными, объясняется уже исходя из того, что они выражают конкретные классовые интересы и стремления. Наибольшей остроты и накала политическая характеристика концепции достигает в 1923 г. в статье «Плеханов как

⁹Отметим, что еще поздним летом — в начале осени 1917 г. Покровский весьма далек от большевиков, участвует в Демократическом совещании и готовит к печати 1-й выпуск задуманной как коллективная «Истории освобождения России» (отпечатана 23 октября 1917 г.). И тем не менее в его исторической концепции — особенно по мере того, как новый порядок вещей упрочивается, уже не может считаться случайным отклонением, попыткой, — это означает, что он имеет свои экономические основания, при этом именно внутренние.

историк России», опубликованной в юбилейном номере к пятилетию кончины Плеханова «Под знаменем марксизма» (№ 6–7) Покровский характеризует «Историю...» как произведение, к которому автор приступал, «когда [...] переставал уже быть марксистом» (цит. по: Вольфсон, 1923: 293). Уже в лекциях, прочитанных в том же году в Коммунистическом университете им. Зинovieва (правда, по изданию 1928 г., испр.), происходит существенное смягчение формулировок, однако суть остается неизменной, а существенную перемену она претерпевает в предисловии к сборнику 1927 г. «Русская историческая наука» (Покровский, 1927). Смещение происходит в плане вменения: в первом случае речь идет о закономерности теоретического сдвига Плеханова, его теоретической рамки (более того, из последней вытекает его оборонческая позиция 1914 г.), во втором — только о том, что он идет за буржуазной наукой, заражен «государственной школой». То есть и там, и там позиция Плеханова характеризуется как несомненно ошибочная, вот только сам характер «ошибки» разнится. Первый вариант намного цельнее теоретически, поскольку во втором случае речь только о «влиянии», ошибке эпистемологической, за которой потом лишь только в возможности следует ошибка политическая, в первом же случае «ошибка» является сама по себе следствием ложного идеологического выбора, собственно, является не «ошибкой», а переменной позиции (и «ошибкой» лишь в той мере, в какой «классовая» наука является ложной — «идеологической»).

То есть в версии 1923 г. речь идет о Плеханове, в чьих теоретических рассуждениях конца 1900-х годов есть зацепка к последующей трансформации, но там это именно «зацепка» — то, что само по себе никак не ведет непременно к этому ходу развития. Плеханов как оппонент для Покровского значим как потенциальная угроза не в силу условного «идейного влияния», а поскольку его позиция выступает позицией соответствующего слоя — «технической интеллигенции» (Покровский, 1933: 92):

Этот слой уже успел создать на Руси свою идеологию. То была идеология «легального марксизма», не отрицавшего влияния бытия на сознание, но отрицавшего классовую борьбу и воспевавшего, в лице Струве, внеклассовое государство. Этот марксизм без революции был вполне приемлем и для левого крыла кадетов, многие из которых в теории мало отличались от правых меньшевиков.

В данном случае подчеркивание близости «левых кадетов» и «правых меньшевиков» и социологически, и политически демонстрирует законо-

мерность развития Плехановым того исторического видения, которое сродно с Милюковым в его «Очерках...». Автономия политического ведет к невозможности свести государство к «классовому», в нем есть некое «надклассовое» содержание (что и подчеркивает Плеханов во введении к «Истории...»), а тем самым — и возможность воздействовать в свою очередь уже на конкретные классы в собственной логике (Покровский, 1933: 99–100):

Итак, поскольку речь идет о вставшей в натурально-хозяйственный рецидив интеллигенции, Рожкова можно считать хозяином сегодняшнего дня. Значит ли это, что плехановщина — хозяин «вчерашнего дня»? Нет, наоборот, плехановщина в значительной степени может возродиться *завтра* с возрождением нашей промышленности, нашей технической интеллигенции. [...] Представьте себе такую картину: возрождается крупная промышленность, а с ней — техническая интеллигенция. Представьте себе все это в капиталистическом окружении — на фоне ожесточенной войны с Западной Европой: тут есть определенная угроза ежеминутно впасть в плехановщину, возвратиться к оборонничеству. Плеханов в своих исторических концепциях, в частности в понимании русской истории, не является учителем прошлого, он является, может быть, учителем будущего. Вот почему в настоящий момент не так важно бороться с рожковщиной, ибо она сама собою умирает, поскольку возрождается русская промышленность, она умирает, как умерли в 90-х годах народнические концепции русской истории — ее убивает стихийный исторический процесс, но этот же процесс может обусловить возрождение плехановщины. Вот почему ясное представление об ошибках Плеханова и его зависимости от буржуазной идеологии чрезвычайно важно запечатлеть в своем сознании.

Наконец, в предисловии к 1-му сборнику работ студентов Института красной профессуры 1927 года Покровский уже говорит о влиянии идеологий, невольном — без привязки следствий соответствующих влияний к конкретным группам (Покровский, 1927: 10). Отчасти в этом, нам представляется, можно видеть и следствие идеологической полемики с Троцким и его сторонниками в 1923 г.: из сходных концептуальных оснований, как и показывал Покровский, выросли программы, идеологически более чем различные, — от позднего оборончества Плеханова до перманентной революции Троцкого. Тем самым становилось очевидным, что прямо связать концептуальный ход с конкретной идеологической/политической ориентацией в настоящем невозможно, первая создает целый веер логически более или менее последовательных интерпретаций настоящего момента (которые в силу изначальной ложности концепции так или иначе теоретически оказываются неверными, но идеологическая

позиция сама по себе уже не трактуется как жестко предрешающая концептуальный выбор, в чем можно видеть и одновременное утончение трактовки идеологии).

КЛЮЧЕВСКИЙ КАК СКРЫТЫЙ КАНОН

Последний из сюжетов, который связан с внутримарксистским спором 1920-х о концепции русской истории и на котором необходимо остановиться, — это вопрос о том, по какому принципу Плеханов и Покровский осуществляют выделение объекта своего рассмотрения. Прежде всего отметим, что ни тот, ни другой эксплицитно не обозначают своих критериев и оснований: «Россия», история которой описывается и анализируется, на первом шаге выступает как некий само собой разумеющийся объект. При этом как марксистская установка авторов, так и напряженные дебаты об «обычной схеме русской истории», развернувшиеся с начала 1900-х годов в связи с публикацией доклада М. Грушевского¹⁰, не позволяли оставить ответ на этот вопрос «прозрачным». Если Плеханов шел вслед за историографической традицией, относясь к ней, как неофит, некритично, то для Покровского в особенности в силу его внимания к историографии, существенно возросшего после революции, проблема концептуальных оснований «русской истории» была очевидна. Три основных работы Покровского, посвященных русской истории в целом, — «Русская история» (1909–1914), «Очерк истории русской культуры» (1914–1918) и «Русская история в самом сжатом очерке» (1920, 1923) — дают возможность реконструировать его ответ на этот вопрос.

Примечательно, что «Русская история» хотя и претендует быть лишь

посредником между исследователями деталей исторического процесса и теми широкими слоями читающей публики, которые желают знать, как же представляет себе этот процесс современная наука (Покровский, 1920: v),

ничуть не стремится дать именно исторический нарратив: он предполагается уже существующим, как общее описание истории (в смысле событийном). Притязание Покровского состоит в «обработке с *материалистической* точки зрения» «материала, собранного историками *идеалистами*» (там же: v–vi).

¹⁰Которые отразятся в том числе и в ироничной реплике Покровского в «Русской истории...» (Покровский, 1920: 57).

Однако на практике дело обстоит еще более любопытно: Покровский фактически принимает целиком и полностью событийную канву, выстраиваемую в «общих курсах» (прежде всего В. О. Ключевского) и в популярных руководствах. Во всех трех обзорных исторических работах (как и в популярном курсе лекций по историографии 1923 г.) он претендует на переосмысление, другую «обработку» в смысле интерпретаций, определение внутреннего смысла событий, а отнюдь не переопределение событийной канвы. Характерно, что В. И. Ленин в своем широко известном отзыве на «Русскую историю в самом сжатом очерке» (воспроизводимшемся в многочисленных массовых изданиях работы 1-й пол. 1930-х¹¹) пытался скорректировать именно эту особенность работы Покровского. Он писал (Ленин, 1970: 24):

Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была *учебником* (а она должна им стать), надо *дополнить* ее *хронологическим* указателем. [...] Учащиеся должны знать и Вашу книгу, и *указатель*, чтобы не было *верхоглядства*, чтобы знали *факты*.

Впрочем, радикально противопоставить понимание задач марксистской исторической науки Покровским и Лениным невозможно, поскольку в том же письме Ленин отмечает, поясняя свое видение обращения к «фактам», что задачей проектируемой им синхронистической таблицы должно стать умение учащихся «сравнивать старую науку и новую» (там же), а сама таблица проектировалась им в следующем виде:

...примерно так: (1) столбец хронологии; (2) столбец оценки буржуазной (кратко); (3) столбец оценки Вашей, марксистской; *с указан[ием] страниц Вашей книги* (там же).

Тем самым разграничение на «факты», «события» и их интерпретацию оказывается не подвергаемым сомнению (равно как для самого Покровского в лекциях по историографии «борьба классов» не отменяет самого водораздела, проходящего в истории между наукой и донаучной стадией, при этом в разграничении он следует Милокову, его историографическому обзору, видя водораздел в фигуре Карамзина, принадлежащего еще к донаучному этапу развития исторического знания — см.: Покровский, 1933: 29; Милоков, 1913).

«Русская история», как следует из синхронистической таблицы, охватывающей период с IV до конца XIX века, оказывается прежде всего

¹¹Впервые опубликовано в 1928 г.

историей «территории, занятой русским племенем»: тем самым у Покровского (как и у Плеханова в явной форме — см.: Плеханов, 1914: 82) в основе обнаруживается тезис Ключевского: «история России есть история страны, которая колонизируется» (Курс русской истории, 1937: 20). При этом — вопреки собственной критике концепции Ключевского, эклектичности, отмечаемой в первых лекциях курса, которую он выявляет еще в рецензии на первое книжное издание, в 1904 г. (Покровский, 1933: 48–53), — Покровский фактически воспроизводит и второй элемент двусоставной концепции о «государстве и народности» (Курс русской истории, 1937: 32) как «главных предметах курса», поскольку — и здесь он возвращается даже не к эклектичной конструкции Ключевского времен «Курса...», а к его ранней концепции, прямо идущей и заостряющей взгляд учителя Ключевского С. М. Соловьева, — опорой курса оказывается процесс образования и развития именно государства¹² (см.: Ключевский, 1997).

Таким образом, выходит, что основные марксистские концепции русского исторического процесса, столкнувшиеся в полемике 1920-х Плеханова (и Троцкого), с одной стороны, и Покровского — с другой, являлись различными преломлениями и переосмыслениями, прежде всего, «школы Ключевского», отчасти с обращениями к «государственной школе», продолжением которой была «школа Ключевского». Если Плеханов непосредственно и явно выстраивал свое понимание, опираясь на Ключевского, то Покровский — будучи прямым учеником Ключевского — пытался преодолеть то, что в рамках самой школы воспринималось как ключевое затруднение, теоретическая слабость и эклектичность построений, где личный авторитет и значение Ключевского достигались за счет не концептуальной ясности, а уникального индивидуального искусства работы с источниками, дара художественного вчувствования и изображения (и где характеристика «историк-художник» одновременно выступает и хвалой, и критикой). Но если для Покровского — в том числе в рамках внутришкольных дебатов — были относительно ясны проблемные стороны той традиции, из которой он вышел (он, как и его коллега П. Н. Милуков, одновременно принадлежал и к ученикам П. Г. Виноградова, наставника в методе — см.: Макушин, Трибунский,

¹²Так, показательно, что сюжеты, связанные с «народностью», «русским племенем», не попавшим в состав Московского царства/Российской империи, оказываются отсутствующими в «Русской истории в самом сжатом очерке».

2011: гл. 1), то предложить альтернативу «обычной схеме русской истории» он не мог, осуществляя критику и пересмотр ее в отдельных положениях и сюжетах и тем самым сохраняя в негативном виде инерцию концептуальной рамки¹³. Эту инерцию концептуальной рамки мы соотносим с каноном. Не явленный открыто, он позволяет объяснить премственность исторических подходов и одновременно — подход к истории, который становится очевидным из дальнейшего её развития.

Таким образом, не только символичным, но и вполне закономерным предстает издание пяти томов «Курса...» Ключевского в 1937 г., подготовленного учениками последнего (С. В. Бахрушиным, Ю. В. Готье, А. И. Яковлевым), что выступает характерным завершением периода «бури и натиска» (см.: **Тихонов2012**). Становление советской исторической науки эпохи «зрелого сталинизма», представавшее как снятие противопоставления марксистских и немарксистских исследователей, поскольку теперь утверждалось полное господство марксистской науки в стране, объединение в одних исследовательских и образовательных институтах как выпускников Института красной профессуры (ИКП), так и учеников тех, кто еще недавно рассматривался как не-марксистский специалист, в том числе оказывалось возможным постольку, поскольку их собственно-дисциплинарные основания были во многом общими.

ЛИТЕРАТУРА

- Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. (Научное наследие) / под ред. Л. А. Черной. — М. : Наука, 1987.
- Богословский М. М.* Дневники (1913–1919) : из собрания Государственного Исторического музея / под ред. С. О. Шмидта. — М. : Время, 2011.
- Бэрн С. Х.* Г. В. Плеханов — основоположник русского марксизма. — СПб. : Изд-во РНБ, 1998.
- Вольфсон С. Я.* Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведений о Г. В. Плеханове в 1923 г.) // Группа «Освобождение труда» : из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. В 6 т. Т. 1 / под ред. Л. Г. Дейча. — М. : Государственное издательство, 1923. — С. 282–304.
- История в человеке. Академик М. В. Нечкина : документальная монография / под ред. Е. Л. Рудницкой, С. В. Мироненко. — М. : Новый хронограф, 2011.
- Кизеветтер А. А.* В. О. Ключевский как преподаватель // В. О. Ключевский : pro et contra. Антология / под ред. А. В. Малинова. — СПб. : НП «Апостольский город — Невская перспектива», 2013. — С. 158–170.

¹³Об обстоятельствах и логике развития «школы Покровского» и его воззрениях 2-й пол. 1920-х — нач. 1930-х см., в частности: Юрганов, 2018: 224–288.

- Ключевский В. О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве 1872–1875 / под ред. Р. А. Киреевой, А. Ф. Киселева. — М. : Владос, 1997.
- Курс русской истории. В 5 т. Т. 1 / под ред. Я. Браскова. — М. : Соцэкгиз, 1937.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 52. Письма. Ноябрь 1920 – июнь 1921 / под ред. М. М. Вассера, В. В. Горбунова, Л. А. Кашницкой. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970.
- Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милоков : труды и дни. — Рязань : НРИИИ, 2011.
- Милоков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. — СПб. : Издание М. В. Аверьянова, 1913.
- Нечкина М. В.* «...И мучалась, и работала невероятно» : дневники М. В. Нечкиной / под ред. Е. Р. Кураповой. — М. : Изд-во РГГУ, 2013.
- Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 1. — СПб. : Мир, 1914.
- Плеханов Г. В.* Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3 т. Т. 3. Проблемы истории философии, эстетики и общественной мысли / под ред. Б. А. Чагина. — М. : Наука, 1974.
- Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. В 2 т. Т. 2. — М. : Мир, 1918a.
- Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. В 2 т. Т. 1. — М. : Мир, 1918b.
- Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. В 4 т. Т. 1. — М. : Мир, 1920.
- Покровский М. Н.* Предисловие // Русская историческая литература в классовом освещении : сборник статей. В 2 т. Т. 1 / под ред. М. Н. Покровского. — М. : Издательство Коммунистической академии, 1927. — ???
- Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). В 2 т. Т. 1. — М., Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1933.
- Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. В 2 т. Т. 1. Ч. 2. От древнейших времен до конца XIX столетия. — М. : Учпедгиз, 1934.
- Тесля А. А.* Революционная версия русского национального исторического нарратива : «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцена // Социология власти. — 2021. — Т. 33, № 2. — С. 59–79.
- Троцкий Л. Д.* 1905. — М. : Госиздат, 1922.
- Троцкий Л. Д.* История русской революции. В 2 т. Т. 1. Февральская революция. — М. : Терра, 1997.
- Чернобаев А. А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. — М. : Лит, 1992.
- Юрганов А. Л.* Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Teslya, A. A. 2022. "V sporakh o marksist-skoj kontseptsii russkoj istorii [In Disputes Over the Marxist Concept of Russian History]: mezhdru avtonomiyey gosudarstva i N-EPom [Between the Autonomy of the State and the NEP (1st Half of the 1920s)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 213–232.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT
INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-2437-5002

IN DISPUTES OVER THE MARXIST CONCEPT OF RUSSIAN HISTORY BETWEEN THE AUTONOMY OF THE STATE AND THE NEP (1ST HALF OF THE 1920S)

Submitted: Jan. 30, 2022. Reviewed: Feb. 16, 2022. Accepted: Feb. 18, 2022.

Abstract: Russian Marxism turned rather late to constructing of its concepts of the Russian historical process and/or attempts to give a coherent interpretation of the history of the Russian Empire/Russian people/peoples of the Eastern European Plain. The Bolsheviks, who came to power in late 1917 and from the middle of 1918, increasingly determined to claim if not the fullness of ideological control, then intellectual hegemony, did not have their historiography of "Russian history". The situation between 1918 and the early 1920s was a confrontation between "Marxist" in the broad sense of the term and "non-Marxist" concepts and approaches. The "Marxist" historiography by the early 1920s was represented by three approaches associated with the names of G. V. Plekhanov, N. A. Rozhkov and M. N. Pokrovsky. Rozhkov's historical constructions initially fell by the wayside in historical discussions; the real confrontation within Marxist-historians was reduced to a confrontation between the versions of the historical process proposed by G. V. Plekhanov and M. N. Pokrovsky in the 1910s. In this article, we analyze the different levels of this confrontation, from topical political implications, such as attitudes to the state and the question of "defence", to epistemological assumptions, the understanding of "science", the place of "historical facts" and the role of interpretation. At the same time, both G. V. Plekhanov's concept (and L. D. Trotsky's related, though politically opposed, interpretation of Russian history) and M. N. Pokrovsky's concept are closely linked to the "school of Klyuchevsky" and carry not only an explicit, but, even more significant, largely implicit and unproblematized heritage of both the Klyuchevsky historical scheme and, in turn, the "state school" that lies at its base. M. N. Pokrovsky's criticism of this legacy from his opponents was purposeful, but implicitly for him, it conditioned his interpretation of the very object of historical consideration. The "historical synthesis" of "high Stalinism" of the late 1930s–1950s, the union of the "red professors" and the successors of pre-revolutionary schools of historiography, especially the Moscow and Petersburg universities, was facilitated not only by the elaboration of the dogmatic foundation of historical materialism in "Brief Course..." by the late 1930s but also by the real community of conceptual foundations going back to the "Klyuchevskii school" and the "state school" of Russian historiography.

Keywords: Hegelianism, The "State school" of Russian History, V. O. Kliuchevskii, Marxist historiography of Russian history, G. V. Plekhanov, M. N. Pokrovskiy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-213-232.

REFERENCES

- B-eron, S. Kh. 1998. *G. V. Plekhanov — osnovopolozhnik russkogo marksizma [G. V. Plekhanov, Founder of Russian Marxism]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo RNB.
- Bogoslovskiy, M. M. 1987. *Istoriografiya, memuaristika, epistolariya. (Nauchnoye nasledie) [Historiography, Memoirs, Epistolary. (Scientific legacy)]* [in Russian]. Ed. by L. A. Chernaya. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2011. *Dnevniki (1913–1919) [Diaries (1913–1919)]: iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [From the Collection of the State Historical Museum]* [in Russian]. Ed. by S. O. Shmidta. Moskva [Moscow]: Vremya.
- Braskov, Ya., ed. 1937. [in Russian]. Vol. 1 of *Kurs russkoy istorii [The Russian History Course]*. 5 vols. Moskva [Moscow]: Sots-ekgiz.
- Chernobayev, A. A. 1992. “Professor s pikoy”, ili Tri zhizni istorika M. N. Pokrovskogo [“The Professor with the Spade”, or The Three Lives of the Historian M. N. Pokrovsky] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Lit.
- Kizeveter, A. A. 2013. “V. O. Klyuchevskiy kak prepodavatel’ [V. O. Kluchevsky as a Lecturer]” [in Russian]. In *V. O. Klyuchevskiy [V. O. Klyuchevsky] : pro et contra. Antologiya [Pro et Contra. Anthology]*, ed. by A. V. Malinov, 158–170. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: NP “Apostol’skiy gorod — Nevskaya perspektiva”.
- Klyuchevskiy, V. O. 1997. *Lektsii po russkoy istorii, chitannyye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve 1872–1875 [Lectures on Russian History, given at the Higher Women’s Courses in Moscow 1872–1875]* [in Russian]. Ed. by R. A. Kireyeva and A. F. Kiselev. Moskva [Moscow]: Vldos.
- Lenin, V. I. 1970. *Pis’ma. Noyabr’ 1920 – iyun’ 1921 [Letters. November 1920 – June 1921]* [in Russian]. Vol. 52 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, ed. by M. M. Vasser, V. V. Gorbunov, and L. A. Kashnitskaya. 55 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- Makushin, A. V., and P. A. Tribunskiy. 2011. *Pavel Nikolayevich Milyukov [Pavel Nikolayevich Milyukov]: trudy i dni [Labors and Days]* [in Russian]. Ryazan’: NRIII.
- Milyukov, P. N. 1913. *Glavnyye techeniya russkoy istoricheskoy mysli [The Main Currents of Russian Historical Thought]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye M. V. Aver’yanova.
- Nechkina, M. V. 2013. “...I muchalas’, i rabotala neveroyatno” [“...Both Agonized and Worked Unbelievably”]: *dnevniki M. V. Nechkinoy [Diaries of M. V. Nechkina]* [in Russian]. Ed. by Ye. R. Kurapova. Moskva [Moscow]: Izd-vo RGGU.
- Plekhanov, G. V. 1914. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli [The History of Russian Social Thought]*. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Mir.
- . 1974. *Problemy istorii filosofii, estetiki i obshchestvennoy mysli [Problems of the History of Philosophy, Aesthetics and Social Thought]* [in Russian]. Vol. 3 of *Filosofsko-literaturnoye nasledie G. V. Plekhanova [The Philosophical and Literary Heritage of G. V. Plekhanov]*, ed. by B. A. Chagin. 3 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Pokrovskiy, M. N. 1918a. [in Russian]. Vol. 1 of *Ocherk istorii russkoy kul’tury [An Essay on the History of Russian Culture]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mir.
- . 1918b. [in Russian]. Vol. 2 of *Ocherk istorii russkoy kul’tury [An Essay on the History of Russian Culture]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mir.

- . 1920. [in Russian]. Vol. 1 of *Russkaya istoriya s drevneyshikh vremen* [*Russian History Since Ancient Times*]. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mir.
- . 1927. “Predisloviye [Foreword]” [in Russian]. In vol. 1 of *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii* [*Russian Historical Literature in Class Coverage*]: *sbornik statey* [Collection of Articles], ed. by M. N. Pokrovskiy, ??? 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii.
- . 1933. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov (Istoriograficheskiye ocherki, kriticheskiye stat'i i zametki)* [*Historical Science and the Struggle of Classes (Historiographical Essays, Critical Articles and Notes)*]. 2 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- . 1934. *Ot drevneyshikh vremen do kontsa XIX stoletiya* [*From Ancient Times to the End of the XIX Century*] [in Russian]. Vol. 1, bk. 2 of *Russkaya istoriya v samom shtatom ocherke* [*Russian History in the Most Concise Essay*]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Uchpedgiz.
- Rudnitskaya, Ye. L., and S. V. Mironenko, eds. 2011. *Istoriya v cheloveke. Akademik M. V. Nechkina* [*History in Human. Academician M. V. Nechkina: dokumental'naya monografiya*] [Documentary Monograph] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novyy khronograf.
- Teslya, A. A. 2021. “Revolyuetsionnaya versiya russkogo natsional'nogo istoricheskogo narrativa [A Revolutionary Version of the Russian National Historical Narrative]: ‘O razvitiy revolyutsionnykh idey v Rossii’ A. I. Gertsena [‘On the Development of Revolutionary Ideas in Russia’ by A. I. Herzen]” [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power] 33 (2): 59–79.
- Trotsky, L. D. 1922. *1905* [1905] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosizdat.
- . 1997. *Fevral'skaya revolyutsiya* [*February Revolution*] [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya russkoy revolyutsii* [*History of the Russian Revolution*]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Terra.
- Vol'fson, S. Ya. 1923. “Vokrug Plekhanova (literaturnoye obozreniye proizvedeniy o G. V. Plekhanove v 1923 g.) [Around Plekhanov (A Literary Review of Works on G. V. Plekhanov in 1923)]” [in Russian]. In vol. 1 of *Gruppa “Osvobozhdeniye truda”* [“Emancipation of Labour”]: *iz arkhivov G. V. Plekhanova, V. I. Zasluch i L. G. Deycha* [From the Archives of G. V. Plekhanov, V. I. Zasluch, L. G. Deutsch], ed. by L. G. Deych, 282–304. 6 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Yurganov, A. L. 2018. *Kul'turnaya istoriya Rossii. Vek dvadtsatyy. Stat'i i publikatsii raznykh let* [*Cultural History of Russia. The Twentieth Century. Articles and Publications of Different Years*] [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.